

Вэй Чжинин тихо вздохнул. Камень с души упал, но в ушах все еще звучал отчаянный женский крик, и он не мог не почувствовать легкую грусть:

— Она такая несчастная...

— Она не заслуживает сострадания.

В этом вопросе Бай Лишэн занял однозначную позицию, что удивило Вэй Чжинина.

Однако он не мог согласиться, ведь Се Цзяци когда-то помогла ему. Даже если ее мотивы были нечистыми, он все равно чувствовал благодарность. И теперь, видя, как некогда высокомерная девушка оказалась в таком печальном положении, он не мог не испытывать жалости.

— Тебе где-то больно?

Бай Лишэн сел на край кровати и серьезно спросил.

Конечно, больно, хотел сказать Вэй Чжинин, ты так сильно давил на мой живот.

Но такие слова он никак не мог произнести. Вместо этого он обнял Бай Лишэна, как коала, прижавшись лицом к его шее, и жалобно пробормотал:

— Я хочу в душ.

Бай Лишэн сжал его руку:

— Подожди, я наполню ванну.

— Не надо, душ достаточно.

— Ты сможешь стоять?

...

Вэй Чжинин крепче обнял его, чуть не задушив:

— Смогу...

Вэй Чжинин легко привязывался к близким людям, и эта привязанность была сильнее, чем у большинства. Однако с детства тех, кого он считал действительно близкими, можно было пересчитать по пальцам, и с годами они все уходили из его жизни.

В детстве он сильно зависел от Вэй Шэннань. Все в их районе знали, что у работницы Вэй Шэннань был маленький хвостик, который таскался за ней повсюду. Если она исчезала из виду, он сразу начинал плакать, ища маму. Тогда он еще не знал, что был всего лишь подкидышем, обузой для этой бедной незамужней женщины.

Позже, в школе для детей рабочих, он нашел поддержку у директора, доброй женщины средних лет, которая проявляла к нему особую заботу и внимание. Она часто приглашала его к себе домой на обед, давала ему старую одежду своих детей и смотрела на его худенькое тельце с грустью. Она была одной из немногих, кто дал ему немного материнской любви в детстве. Такие счастливые моменты для тех, кому судьба не благоволит, редки и потому особенно ценны.

Позже, бросив школу и выйдя в мир, он научился не ждать многого от жизни. Ведь для ребенка, брошенного матерью и отвергнутого отцом, некоторые вещи лучше не думать, иначе можно не выжить. В конце концов, его жизнь могла бы стать просто заметкой в газете, о которой люди говорили бы за чашкой чая: «Исследование причин самоубийства мальчика из городской деревни».

Судьба дала ему плохие карты, но он не сдался, выкарабкался из грязи и схватил яркий, горячий свет.

Он надеялся, что этот свет будет греть его долго, и, научившись на ошибках, на этот раз он тайно отдал свои надежды.

Бай Лишэн когда-то любил одного человека, или, точнее, он жалел его. Тогда он принял это чувство жалости за любовь, но позже понял, что это разные вещи. Жалея человека, ты хочешь, чтобы он был счастлив, неважно, с кем. А любя, ты хочешь, чтобы он был счастлив только с тобой.

Вэй Чжинин вышел из ванной и увидел, что Бай Лишэн наливает теплую кашу из фарфоровой кастрюли в миску на столе в гостиной. Услышав шаги, он поднял голову и сказал:

— Иди есть.

Вэй Чжинин удивился, неуверенно подошел и сел на стул, спросив:

— Мы не пойдем в столовую?

Бай Лишэн посмотрел на его неловкую позу и спокойно сказал:

— Тебе удобно идти в столовую?

...

Вэй Чжинин замер, вспомнив, что его поясница и бедра болели после вчерашнего.

Он молча взял ложку, которую ему протянули, и начал мешать кашу, тихо жалуясь:

— И кто в этом виноват? Хорошо, что сегодня нет съёмок...

Говоря это, он совсем забыл, что вчера сам начал заигрывать.

Он зачерпнул ложку каши, мягкие зерна таяли во рту. Бай Лишэн пододвинул к нему маленькую чашку с яичным пудингом, нежно-желтым и упругим, посыпанным зеленым луком и политым кунжутным маслом. Это выглядело очень аппетитно.

Вэй Чжинин, поддавшись голоду, начал есть с жадностью. Бай Лишэн, чистя яйцо, неспешно сказал:

— Сегодня не ходи на съёмочную площадку, в обед Фу Чжэньюань принесет тебе еду. Что хочешь?

Вэй Чжинин поднял голову, сомневаясь:

— Утром можно пропустить, но после обеда уже неудобно.

— Сегодня у тебя нет съемок, пойдешь — просто будешь стоять. Тебе и так нехорошо, кто-то будет отвлекаться на тебя, так что лучше не мешай.

— Это не так уж серьезно...

Бай Лишэн внимательно посмотрел на него, и Вэй Чжинин съежился, пытаясь оправдаться:

— Но мне скучно одному в отеле.

Бай Лишэн сделал глоток кофе, поставил чашку и спокойно сказал:

— Ты же скоро начинаешь новый проект, как раз есть время изучить сценарий. Ты будешь играть с актером высшего уровня, если не подготовишься, что будешь делать, если подведешь?

Вэй Чжинин набрал в рот каши, держа ложку, и невнятно ответил:

— Ладно, старик.

Что делать, если твой парень — трудоголик?

На столе зазвонил телефон. Вэй Чжинин взял его, посмотрел на экран, быстро набрал сообщение и задумался.

Бай Лишэн заметил его выражение и мягко спросил:

— Что случилось?

Вэй Чжинин посмотрел на него, немного поколебался, но решил рассказать, слегка изменив содержание:

— Помнишь, я говорил о ребенке моих родственников? Он ушел в стажеры в компанию Хэ Сяфэя. Я хочу связаться с его менеджером, может, узнаю что-то.

Бай Лишэн, казалось, совсем не удивился:

— Кто его менеджер?

Услышав имя, Бай Лишэн задумался и кратко сказал:

— У него плохая репутация.

Вэй Чжинин нахмурился:

— Что с ним не так?

Бай Лишэн подумал и, не объясняя, предложил:

— Пусть лучше пойдет к менеджеру Хэ Сяфэя, в одной компании проще.

— Но, во-первых, я не знаю менеджера Хэ Сяфэя. Во-вторых...

Он показал экран телефона с незавершенным диалогом:

— Этот человек явно не того уровня, возьмет ли он новичка?

— Поэтому это должен предложить Хэ Сяфэй.

Совет Бай Лишэна был в принципе хорош, но на практике первым шагом стало препятствие. Уговорить заносчивого Хэ Сяфэя быть посредником казалось невозможным.

Вэй Чжинин не хотел, чтобы из-за таких мелочей Бай Лишэн беспокоился, вытер рот салфеткой и закрыл тему:

— Ладно, потом поговорю с ним.

После завтрака Бай Лишэн ушел переодеться в свою комнату. Вэй Чжинин провожал его у двери, обнял за шею и нежно поцеловал в щеку.

— Ужинаем вместе, когда вернешься.

Говоря это, он опустил глаза, покорный и милый.

— Хорошо.

Бай Лишэн взял его за подбородок и поцеловал в губы. С тех пор, как они признались в чувствах, их привязанность стала невыносимо сильной, словно они поклялись друг другу в прошлой жизни и теперь продолжили.

— Я пошел.

Дверь открылась, и в коридоре мелькнула тень, за которой последовал громкий возглас:

— Что за черт?!

Линь Цяньцян, с протеиновым батончиком во рту, быстро прожевала и проглотила его, уставившись на них:

— Вы... вы двое... спали вместе?

Вэй Чжинин остолбенел, растерянно посмотрел на Бай Лишэна, который спокойно повернулся к Линь Цяньцян и сказал:

— Доброе утро.

<http://bllate.org/book/16173/1450279>